

ПТУШКІ І МЫ

№8
'2006

ПТУШКА ГОДА

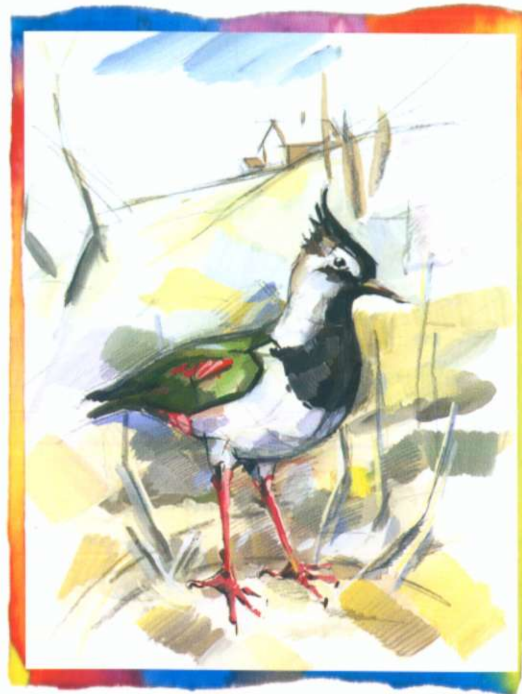
Ксенія Уласенка, 13 гадоў (в. Палонка)

Алеся Леановіч, 6 гадоў (Мінск)

Карына Гумарава, 15 гадоў, ***Елізавета Валковіч,*** 15 гадоў (Жодзіна)

Міхаіл Шэметкоў, 16 гадоў (Жодзіна)

Алена Лешковіч, 16 гадоў

Крысціна Фрышмут, 11 гадоў (Слуцк)

Маляванкі на шкле.
Другая палова XX ст.

Красавік — месяц сонца і вады. Здаецца, што яе больш, чым трэба. Але не. Узгадайце, што веснавая вада — з'ява штогодняя, якая паўтараецца стагоддзямі. І нікому ад яе шкоды не было. Наадварот, красавіцкая вада спяшаецца напаіць зямлю. Наперадзе ж яшчэ больш сонечны май, спякотнае лета...

Вось і спяшаецца красавік. Тысячы падзей звязаны з 30 календарнымі красавіцкімі лісткамі.

Ёсць сярод іх адна дата, якую ўспамінаць цяжка. Гэта — 26 красавіка 1986 года. Менавіта ў гэты дзень адбылася аварыя на Чарнобыльскай атамнай электрастанцыі. Гэта была велізарная трагедыя для тысяч людзей Украіны, Беларусі, Расіі. Прайшло 20 гадоў з таго дня. А «ЧАРНОБЫЛЬ» застаўся і яшчэ вельмі доўга будзе заставацца з намі. Аб гэтым, у многім, наш нумар...

Ігар Бышнёў

Рэдактар: Ігар Бышнёў

Рэдакцыйная рада:
Уладзімір Іваноўскі, Аляксандр Вінчэўскі, Віктар Фенчук, Сяргей Зуёнак, Сяргей Плыткевіч, Павел Пінчук

Пераклад на ангельскую мову:
Андрэй Таболіч

Малюнкі: Ігар Бышнёў

Распаўсюджваецца бясплатна сярод сяброў АПБ

Наш адрас:
АПБ, а/с 306, Мінск-50, 220050, Беларусь
Тэл.: (017) 263 01 30. Факс (017) 263 06 13
E-mail:APB@tut.by. http://apb.iatp.by

Надрукавана ў тыпаграфіі ТАА «Юстмаж».
Ліц. №02330/0148792 ад 30.04.2004
Мінінфармацыі РБ
Наклад 299 экз. Заказ № 612.

Дзейнасць АПБ падтрымліваецца Каралеўскім Таварыствам Абароны Птушак (RSPB), партнёрам BirdLife International у Вялікабрытаніі

АПБ з'яўляецца афіцыйным прадстаўніком BirdLife International у Беларусі

ЗМЕСТ

На здымку: **САРОКІ. Нараўлянскі р-н, Палесскі запаведнік**
(фота І. Бышнёва)

ДЖУНГЛИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Игорь БЫШНЕВ

Фото автора

28 мая 2004 года. 13 часов. Прошло ровно 20 минут, после того как мы впервые пересекли контрольно-пропускной пункт Бабчин – границу Полесского радиационно-экологического заповедника. Мы въехали сюда, чтобы увидеть и попытаться снять на фото и кинопленку, как выживает природа после аварии на Чернобыльской АЭС. 20 минут в зоне, и первая встреча – крупное стадо кабанов. Жарким майским полднем звери спокойно кормились на поле. Вернее, бывшем поле. Людей побаивались, но, используя охотничьи навыки, к ним удалось приблизиться метров на 15. Самки, годовалые подсвинки, полосатые поросята... Как в громадном зоопарке. Только сетка не между зверем и человеком, а вокруг нас...

Уже 25 лет я езжу по Беларуси, по самым ее сокровенным природным уголкам в поисках НЕТРОНУТОЙ ПРИРОДЫ. Той природы, что миллионы лет существовала до появления здесь человека, тысячелетиями давала ему пищу и кров, как мать, оберегая от невзгод. Ту природу, о силе и красоте которой остается только догадываться, глядя, как неумолимо сжирает ее последние крохи человек современный. Мы живем в удивительно красивой стране, во многом сохранившей свою природу, и этим выгодно отличаемся от своих соседей по континенту. Но даже у нас, в самых глухих уголках заповедников присутствие человека ощущается практически всегда.

Но вот первые минуты пребывания в Зоне, а поведение кабанов такое... Нет, не видел я такого поведения никогда. Правда, ближе 15 метров кабаны нас не пустили, отбежали немного и... снова успокоились. С этой первой встречи началось для нас киносафари длиной в два года. Киносафари на территории, где совсем недавно случилась самая страшная техногенная катастрофа двадцатого века. Тысячи километров колючей проволоки. 20 лет ушло на то, чтобы попытаться оградить людей от радиации, а животных, загрязненных радионуклидами, – от остального мира. 54 колхоза и совхоза были ликвидированы в результате Чернобыльской катастрофы. Более 2,5 тысячи квадратных километров сельскохозяйственных угодий перешло во владение диких зверей: лосей, оленей, косуль, кабанов.

Теперь здесь заповедник. Название у него, правда, несколько необычное: Полесский государственный радиационно-экологический. Да и очередей с любознательными туристами у границ заповедника что-то не видно. Создан Полесский заповедник в 1988 году в белорусском секторе 30-километровой зоны Чернобыльской атомной станции на площади 131,1 тысячи гектаров. В 1993 году его площадь была увеличена до 215,5 тысячи гектаров. Три участка: Хойникский, Комаринский, Наровлянский. 16 лесничеств. Административный центр размещен в городе Хойники, научная часть и исследовательско-экспериментальная база – в выселенной деревне Бабчин, а отдел радиационно-экологического мониторинга – на исследовательской станции Масаны, на границе с Украиной, в десяти километрах от ЧАЭС. В каждом из 16 лесничеств, как и всюду по Беларуси, проводятся ежедневные плановые мероприятия по изучению состояния природных комплексов, учету численности животных. На 600 гектарах посажены молодые леса. Как и во всех заповедниках, здесь берегут природу от пожаров. Нет, не как во всех. Пожар в зоне – это не только сгоревший лес, это – радиоактивная зола, черная смерть, которая может быть перенесена ветром куда угодно. А это значит, список жертв катастрофы станет еще больше. Поэтому работа сотрудников заповедника чем-то напоминает кадры из фильмов о войне, без права на ошибку. И без особой жалости к собственному страху. Более 60 противопожарных водоемов, тысячи километров противопожарных полос, патрульные вышки с круглосуточным дежурством. Шесть контрольно-пропускных пунктов. Нет, не для удовлетворения праздного любопытства здесь несут службу люди...

За первые три дня съемок мы увидели с полсотни косуль. Звери паслись,

отдыхали возле дороги, лениво поднимаясь и отбегая при приближении машины. Колючая проволока для животных Зоны уже давно стала скорее защитой, чем преградой. Видно по поведению, что все ее особенности: провисы, разрывы — звери знают и используют. Не раз косули, испуганные внезапной встречей с автомобилем, словно стремительные птицы, на огромной скорости летели прямо на проволоку. Казалось, еще мгновение — и они разобьются о колючую преграду. А они... исчезали. Пролет «колючки» за ивовыми кустами упал от времени — и именно к нему бежали косули...

На столбах отдыхают хищные птицы: канюки, подорлики, орланы. Более мелкие пернатые с удовольствием сидят прямо на колючей проволоке. Овсянки, славки, дрозды, сорокопуты... Даже самцов лосей с молодыми рогами-пантами мы встречали регулярно рядом с колючей проволокой. А ведь они в мае-июне — сама осторожность. В Березинском биосферном заповеднике в это время неделями приходится искать встречи с сохатыми...

Особую страсть к колючей проволоке испытывают выводки тетеревов и серых куропаток. Оно и понятно, малыши, ловко маневрируя между колючками, увеличивают свои шансы на спасение от зубов хищника. Не раз мы становились свидетелями, как тетеревиная малышня разбегается и разлетается в разные стороны от линии проволочного заграждения. Вообще тетеревов здесь очень много, регулярно встречаются они и в выселенных деревнях, часто используя бывшие населенные пункты для весеннего токования. Особенно впечатляющи осенние тетеревиные стаи. До сотни птиц в одном месте — вряд ли где можно увидеть подобное...

Дороги, проложенные человеком, необратимо превращаются в звериные тропы. Особенно хорошо это заметно ночью, когда в свете фар только калейдоскоп разнообразного зверья мелькает. Мы видели, как прохладной майской ночью зайчиха кормила своего малыша. Как бежал, смешно взбрыкивая задними ногами, с полкилометра перед нами годовалый лосенок, не решаясь свернуть в заросли ивняка. Как десятки козодоев собирались на разогретый асфальт в поисках насекомых. Как, словно привидение, появлялся и исчезал перед нами волк. Но и днем встречи с животными на дорогах обычны. Легче здесь идти не только человеку...

Увеличение копытных сказалось на численности хищников, как пернатых, так и четвероногих. Хищники — вершина природной пирамиды. Там, где есть они, — есть и все остальные. Там много растений, насекомых, лягушек, рыб и птиц. Хищников в Полесском заповеднике очень много. На гнездовании появился большой подорлик. Увеличилась численность змееяда, чеглока, пустельги. Много енотовидных собак. А уж что говорить о таком обычном виде, как болотный лунь!

Самый заметный из хищников (особенно по следам жизнедеятельности) — волк. Умный и экологически пластичный зверь, он даже в условиях беспощадной борьбы со стороны охотников находит себе место возле человека, что уж говорить о Зоне. Зверь все меньше и меньше боится человека. Собаки и кошки, которых заводят на контрольно-пропускных пунктах дежурные, регулярно исчезают. Из-за волков, конечно. До Чернобыльской катастрофы на территории современного Полесского заповедника обитало 7 волчьих семей. В настоящее время зоологи учитывают здесь 12 – 20 волчьих стай общей численностью 120—200 хищников. При такой численности волки ежегодно уничтожают более 1500 особей копытных животных. А их с каждым годом все больше и больше...

27 июля 2004 года. Исследую птичье население дамбы, ведущей к Припяти, и снимаю раскинувшиеся пойменные луга с верхней точки. Волк на дороге появляется незаметно, словно большая серая собака, метрах в 20 от меня. Взгляд спокойный и немного угрюмый. Стоит и смотрит прямо в глаза. У диких животных прямой взгляд обозначает вызов. Конечно же, я его не приму. Хозяин здесь не я, а он, волк. Осторожно отступаю, не разворачиваясь, еще метров на 20. И ухожу. Волк остается.

Беркут и енотовидная собака часто следуют за волками, используя остатки их трапез. Но самыми активными потребителями жертв волков являются вороны и сороки. Мы стали свидетелями случая, когда убитую волками косулю птицы очистили до костей ровно за сутки. У погибшего лося собиралось более 50 птиц. Хищник нападает на жертву и дает возможность кормиться еще десяткам животных. Но самое удивительное, что и волков, и копытных в Полесском заповеднике с каждым годом становится все больше и больше.

Много в заповеднике рысей. Обычны поселения барсуков. Если немного подождать возле нор, их хозяев, выходящих на охоту, можно увидеть задолго до наступления сумерек. Гуляющие под

солнечным светом барсуки — об этом я читал в описаниях европейской природы XVIII века. Но ведь сегодня век XXI. Поселения барсуков — это целые подземные города. К одной из нор ведет зеленая дорога из мха, метров 30. Сколько же мха перенесла барсучиха, для того чтобы барсучатам в норе было уютно, если только потерянный ею мох создал целую зеленую тропу?! А у норы в 7 метрах выше по склону лежит мертвая енотовидная собака. Енотовидные собаки иногда «снимают квартиру» у барсуков. Но вот почему погиб этот зверь — непонятно.

Зона — одно из немногих мест, где сохранился акклиматизированный в Беларуси в середине XX века енот-полоскун — гость из Северной Америки. Его следы свидетельствуют о разбойничьих повадках зверька. Он постоянно раскапывает норы ласточек-береговушек и черепашьи кладки яиц по песчаным дюнам. Впервые за последние триста лет здесь появились медведи.

Иногда нам казалось, что мы попали в природный рай. И даже колючая проволока, одевшись в паутину и утреннюю росу, выглядела нарядно и празднично. Тысячи ласточек со всей округи, покинув свои гнезда, по вечерам собирались на проводах электро- и радиосистем при въезде в зону. Их щебетание звучало как сообщение для всех: «Сегодня нам здесь хорошо и спокойно... До свидания, солнце... До завтра...» А жизнь продолжалась и после заката. Жизнь, в которой человек стал выглядеть вроде бы и лишним. Жизнь, из которой теперь мы долгие сотни лет сможем лишь изредка выхватывать мгновенья-кадры. Но уже никогда не сможем жить здесь так, как прежде. Для нас, людей, эти места — опасны.

12 июля 2004 года. 9 часов утра. По брусчатке вышагивает болотная черепаха. Мы в 10 километрах от атомной электростанции. Наша встреча с черепахой здесь не удивительна. В Беларуси ее больше всего в зоне катастрофы. Благодаря трагедии, как ни парадоксально звучит это сочетание слов, в Полесском заповеднике образовался природный резерват для сохранения болотной черепахи — своеобразный черепаший «чернобыльский рай». Этот вид занесен в Красную книгу Беларуси как исчезающий. Всюду она страдает от осушительной мелиорации, а здесь вместо осушения — многие места заболачиваются. Черепахи не терпят человеческого вмешательства в природу, они чувствительны к фактору беспокойства, но какое может быть беспокойство со стороны человека там, где его нет? Черепахи — современники динозавров — перенесли тысячи катастроф за свою историю, в том числе — и Чернобыльскую. Кстати, определение «чернобыльский рай» можно смело отнести к очень многим видам животных — в Зоне они сегодня благоденствуют. А ведь прошло всего 18 лет после ухода отсюда людей. Есть о чем задуматься. Что-то не очень радужный вывод для человечества. Нужны ли мы природе вообще?

8 мая 2004 года. 17 часов 10 минут. Мы снимаем на кинопленку лебедей-кликунов. Лебеди-кликуны впервые загнездились в Беларуси всего лишь год назад, в 2003-м. В Полесском заповеднике мы встретили их три пары. Правда, птенцов мы в том году так и не сняли. Долго и безрезультатно пытались выгнать их из тростников, а потом посмотрели на дозиметр и ахнули. Он показал превышение допустимой нормы в 40 раз. На то время это был наш рекорд. А мы уже больше часа пытались выгнать из бесконечных тростниковых зарослей лебединую семью. Зона предупреждала: она покажет нам только то, что захочет.

Почти треть Полесского заповедника занимает Припять и ее пойма: бесчисленные старицы и бескрайние луга. На одной из стариц мы увидели заросли чилима, или водяного ореха. Это вид из Красной книги. Но, глядя на его заросли здесь, совсем не верилось в редкость этого растения. Безудержно сияла луна над негаснущим вечерним горизонтом. Явь превращалась в сон... Когда мы приехали на это место в августе 2005 года, то едва

нашли здесь всего... одно растение чилима.

Многие пернатые теряют свои первые кладки. И тогда некоторые из них решаются на повторные. Когда в июле 2004 года мы проехали по всей Припяти, то вынуждены были констатировать, что многие пары чаек, крачек, куликов и уток для повторного гнездования перебрались в Зону. Словно доверили ее спокойствию свой последний шанс. А после начала осенних охот в Беларуси, казалось, что все утки прилетели сюда. Здесь море воды, досыта кормов, и нет людей. Никто не стреляет... Неудивительно, что заповедник определен как потенциальное Рамсарское угодье и Ключевая Орнитологическая Территория (КОТ).

15 июля 2005 года. Полдень. 15 километров от саркофага — четвертого реактора, который по-прежнему сохраняет в своем свинцово-железобетонном чреве около 20 тонн ядерного топлива... Безумная жара. Мы приехали искупаться на одну из стариц, а она занята. Лосиха принимала здесь ванну и спасалась от гнуса одновременно. Один лосенок пытался убежать от комаров на берегу, а второй прятался в реке. Редкие и осторожные большие белые цапли с удивлением рассматривали нас...

Зачем эти люди здесь?

Что пытаются увидеть, найти? Или понять?

Мы давно уже смеемся над вопросами: «Видели ли вы в Зоне трехголовых змей или двухвостых волков?» Если и есть здесь животные-мутанты, это не самая главная особенность Зоны. Всюду мы встречаем красивых птиц и зверей, красивую реку, красивый мир. В нем нет только одного существа — человека. Насколько он нужен здесь?

Цапли и бакланы гнездятся колониями в старых ивняках. Количество гнезд здесь огромно. Припять — богатейшая на рыбу река, проблем с питанием у этих птиц здесь не возникает. Кажется, что мы попали в тропический лес. На гниющих в воде стволах — дикая зелень растений. Красная вода. Немыслимые красно-зеленые паутины, свисающие с нижних ветвей деревьев. Чернобыльские джунгли. Возле каждой колонии дежурят 5—10 орланов-белохвостов. Одного из них мы снимали на пленку, устроив засидку возле выброшенного рекой мертвого кабана. Говоря об орланах, следует напомнить, что за 18 лет существования Зоны, здесь образовались крупнейшие в Европе зимовки белохвостов и беркутов. Десятки птиц собираются у полыней на льду Припяти. Норки, выдры, лисицы, рыбачащие рядом с орланами, дополняют фантасмагорическое зрелище зимней природы Чернобыльской зоны.

Чем не рай? Только вот рай превращается в ад, когда необходимо проехать сквозь Зону — мимо брошенного жилья, разрушенных домов, переполненных кладбищ... 485 поселков и деревень потеряла Беларусь после Чернобыля, 70 из них уже навсегда захоронены в земле. Но что происходит там, куда даже фанатичному натуралисту нелегко заходить, — в деревнях и поселках, оставленных людьми?

В огромном двухэтажном доме в полуразрушенной стене загнездилась горихвостка-чернушка — маленькая птичка с ярко-рыжим хвостом. Стекла окон дома уцелели, и родители с кормом залетают в дом через двери и чердачный проход. Когда-то в доме собирались сотни людей, теперь в округе ни души. Чернушка — обитатель скалистых местностей Центральной Азии. Еще в начале XX века, поменяв пустынные скалы на поселения человека, вид расселился все дальше и дальше на северо-восток. В Беларуси впервые она была замечена в 1961 году. С тех пор птицы частенько отмечаются на гнездовании возле поселений человека. А в Зоне — заселяют людские постройки и без него...

Белый аист — одна из самых легендарных птиц мира. Всем известно поверье, будто он приносит детей. Более того, издавна его обожествляли. Людей поражала способность аистов селиться вблизи человека, их самоотверженная борьба с вредителями земледелия, совпадение сроков прилета и отлета с важными вехами в жизни природы и человека. Но кому приносить детей в Зоне? Нет здесь людей. Нет белым аистам и защиты от хищников. И пробуют они по привычке гнездиться в этих деревнях, да только все меньше и меньше. В Тульговичах, единственной деревне в Зоне, где еще живут люди, в мае было два жилых гнезда аиста, а в июле — только одно, с двумя птенцами. Мы прождали полдня, но так и не дождались прилета взрослых птиц. Правда, может быть, это случайность...

При этом черных аистов, редких и осторожных, в Зоне становится все больше и больше, особенно в последние годы. Во время летней экспедиции 2005 года мы видели их в пяти брошенных людьми деревнях. А ведь в 2004 году их здесь не было... Городские ласточки все еще возвращаются к тем гнездам, из которых вылетели несмышленышами несколько лет назад. Из года в год возвращаются под облюбованные некогда крыши... Странно, правда, что хозяин по утрам не выходит из дома, зато и хозяйской кошки тоже нет. Кошки и собаки исчезают из покинутых людьми поселков и деревень в первую очередь.

В садах к концу лета созревает урожай яблок и груш. Год от года отличается... Но сколько бы ни уродилось их здесь, в Зоне, деревенская ребятня не будет срывать сочные плоды. Правда, это не значит, что урожай пропадет... И яблоки, и груши будут съедены все до одной. Лисы, куницы, косули, енотовидные собаки каждый день приходят в сады лакомиться человечьими дарами. И каждый день на сладкое угощение прилетают птицы: дубоносы, дрозды, сойки... До поздней осени под деревьями в садах кормятся кабаны. Здесь же они, чтобы не тратить время на дорогу, и ночуют. Частыми гостями в осенних садах являются лоси. Сюда направляют свои маршруты осенне-зимние стаи свиристелей. А когда снег обнажит весеннюю землю, все зверье с новой энергией ищет здесь остатки угощения. Совенок серой неясыти таращится из осевшей избушки. Серая неясыть – обитатель лесов, парков. Ей обязательно нужны большие дуплистые деревья, чтобы устроить гнездо. А зачем они здесь, если есть деревья потолще, чем дубы? Дома, сараи, другие наши с вами постройки. И мышей здесь побольше, чем в лесу...

На окраине деревни кормится стадо зубров. Зубры – символ безумия и величия человека. Собственно, как и атомные электростанции. Когда-то более ста лет человек уничтожил зубров в дикой природе, но он же неимоверными усилиями этот вид восстановил. В этих местах до катастрофы зубров не было. А сейчас Зона – их новый дом... В «юбилейный» 1996 год, год десятилетия Чернобыльской катастрофы, люди завезли сюда первых 16 зубров, чтобы создать в Беларуси еще одно вольное стадо. Теперь зубров в Зоне уже более сорока. И ведут они себя здесь как настоящие цари. За 9 лет в Зоне у зубров родилось 30 телят. Эти – самые юные. Всем им и их потомкам придется жить в условиях беспрецедентного эксперимента, который поставлен аварией на Чернобыльской АЭС. Может быть, здесь, в Зоне они подскажут человечеству ответы на мучительные вопросы: как можно выжить при постоянных воздействиях повышенных уровней радиации? Что происходит с природой, когда на ней перестает хозяйничать человек? И вообще, кто таков человек на планете Земля – гений или злодей?

История чернобыльских зубров – история создания нового природного стада этих редких, уникальных животных. Это история короткая, всего 10 лет. История природы Чернобыльской зоны после катастрофы тоже невелика – ей в два раза больше – 20 лет. Для природы – это миг, мгновение. А для человека?

Иногда кажется, что планета Земля, ее живая оболочка пытается раз за разом достучаться до наших с вами сердец и сказать: посмотрите, как вы себя ведете, что творите. Не губите природу, не пытайтесь переделать ее законы. Иначе будет катастрофа... Природа выживет, а вот человек?

На бывших клумбах и в палисадниках – буйство цветов и насекомых. По нагретому к вечеру, растрескавшемуся асфальту гуляют ежи, здесь же ищут свою добычу змеи. Змееяды, специализированные охотники на гадюк и ужей, охотятся прямо среди деревенских улиц. Беркут, словно немыслимый огромный петух, сидит на заборе. Волк, пройдя в поисках добычи свою суточную норму, возвращается на отдых под крышу одного из домов.

Когда мы с фотоаппаратом входим в дом горихвостки, птенцы покидают гнездо и летят к стеклу. Родители с кормом тоже летят к стеклу, но с другой стороны этого дома. Стекло разделяет их, так же как колючая проволока разделяет живших некогда здесь людей от их родины. Но сотни лет это стекло будет существовать, предоставляя нам право лишь наблюдать за тем, как природа очищается от человека, хорошея год от года. Правда, есть во всем этом горький привкус...

Дом для горихвостки, дом для ежа, зубра, кабана, но... не для человека.

In the part «Natural Heritage» in the article «The Jungle of Chernobyl» Dr. Igor Byshnev tells us about the nature of Polesie radiation and ecological preserve. It was founded in 1988 in the Belarusian 30 - kilometer zone of the Chernobyl nuclear power plant, on the territory of 131,1 thousand kilometers hectares. In 1993 its area was enlarged to 215,5 thousand kilometers hectares. The Paleski reserve is the potential Ramsar site and the Important Bird Area (IBA). Animals, which live here, are constantly subjected to high radiation influence. From the other side, the full stop of the economic activity, the absence of disturbance and restoration of drained wetlands caused a quick increase in numbers of many animal species, including those which are endangered in Europe. Today flora and fauna are in the condition of the unique experiment; with the absence of anthropogenic press nature has been developing chiefly according to the natural laws. And now on the nesting, the globally threateaned bird have appeared, such as the Spotted Eagle, numbers of the Black Storks, the White-tailed Eagles, the Hobbies, the Short-toed Eagles and many others have increased. In the Chernobyl zone more and more birds are wintering. The absence of people caused increadible growth of populations of ungulates as well as predators like wolves, lynxes and even bears which came back after decades of absence.

БЕЛАРУСКІЯ ЛЯСЫ ЎРАТАВАЛІ ЕЎРОПУ

Эдуард САМУСЕНКА

Агульныя страты Беларусі ад катастрофы на ЧАЭС складаюць 35 дзяржаўных бюджэтаў рэспублікі ў цэнах 1985 года. З імі абсалютна невымерная тая мізэрная дзяржаўная, але часцей прыватная ці грамадская гуманітарная дапамога, якая аказвалася Беларусі ў першыя гады пасля катастрофы, а зараз амаль забыта.

У выніку катастрофы на Чарнобыльскай АЭС доўгажывучымі ізатопамі радыёнуклідаў забруджана 23 працэнты тэрыторыі Беларусі (46 450 тыс. га), 4,8 працэнта земляў Украіны (37 450 тыс. га) і 0,5 працэнта – Расіі (47 170 тыс. га). Істотнае забруджанне, асабліва кароткажывучымі ізатопамі, атрымала амаль уся Еўропа, у першую чаргу Скандынавія, Балканы, Германія, Польшча, Аўстрыя, Італія, а за яе межамі – Турцыя, Закаўказзе і нават Японія і Паўночная Амерыка.

Забруджанне многіх краін аказалася б значна большым, калі б асноўную частку выкідаў выбухнуўшага рэактара не затрымалі беларускія лясы. У энцыклапедычным выданні «Чарнобыль» (Мінск, 1996) гаворыцца: «Бязлесныя мясціны, не ствараючы істотнага супраціўлення паветраным патокам, у меншай ступені забруджваюцца радыёактыўнымі аэразолямі, чым суседнія лясы». Сказана больш чым сціпла, бо лясы прымаюць на сябе ў 4 разы больш радыёактыўных ізатопаў, чым адкрытыя прасторы. Вялікая роля беларускіх лясоў у затрыманні радыёнуклідаў абумоўлена высокай лясістасцю Гомельскай вобласці, дзе ў Нараўлянскім раёне лясы займаюць 54 працэнты плошчы, Жыткавіцкім – 57 працэнтаў, Лельчыцкім – 69 працэнтаў і г. д. У цэлым па Гомельскай вобласці аказаліся моцна забруджанымі 51,6 працэнта лясоў, па Магілёўскай – 36,4 працэнта. На Беларусь прыйшлося 70 працэнтаў усіх радыёактыўных выкідаў ЧАЭС.

На жаль, нідзе не ўдалося знайсці дадзеных аб колькасці радыёнуклідаў у «хмары пад грыфам «Сакрэтна» (па выразе пісьменніка Алеся Адамовіча), што кіравалася на Маскву, але была асаджана гомельскімі авіятарамі, якія выклікалі штучны дождж у Магілёўскай вобласці. Там панеслі страты 15 раёнаў, але Масква была ўратавана ад радыёактыўнага забруджання.

Устаноўлена, што хвойныя дрэвы затрымліваюць 80 працэнтаў радыёнуклідаў і толькі 20 працэнтаў прыходзіцца на глебу. Лісцевыя пароды, больш паглынальныя, у першыя дні пасля катастрофы яшчэ не поўнасцю распусціліся і таму спачатку затрымлівалі радыёактыўныя часціцы ў 1,5-2 разы менш за хвойныя, але затым, у маі-чэрвені 1986 года, пачалі затрымліваць іх больш, чым елка і сасна. А ў забруджанай зоне на іх прыходзіцца 400 тысяч гектараў, у тым ліку на такі эфектыўны «радыяцыйны ўлоўнік», як дуб, – 95 тысяч гектараў. Паводле грубых падлікаў, беларускія лясы паглынулі каля паловы ўсіх радыёнуклідаў, што выпалі на тэрыторыі рэспублікі, і не далі выйсці ім на іншыя краіны.

Не выключана, пры зусім дэталёвым даследаванні высветліцца, што лясы паглынулі больш за палову з тых 70 працэнтаў радыёнуклідаў, якія прыйшліся на долю Беларусі. Гэта значыць, мінімум трэцяя частка ўсіх

ІГАР БЫШНЕЎ

выкідаў чацвёртага рэактара была спынена нашымі лясамі ад далейшага распаўсюджвання на захад, поўнач і ўсход.

Такім чынам гомельскія і магілёўскія лясы ўратавалі ад больш сур'ёзнага забруджання астатнія вобласці Беларусі, Расіі, а таксама краіны Балтыйскага рэгіёна і Цэнтральнай Еўропы. Бо гэтыя 30 ці больш працэнтаў маглі б дайсці да Мінска, Віцебска, Гродна, Брэста, Рыгі, Варшавы, Масквы.

Лясы затрымлівалі патокі радыёнуклідаў не толькі сваімі кронамі, але і ў выніку ахаладжвання мясцовасці спякотным летам 1986 года, якое выклікала мясцовыя дажджы менавіта над лясамі. Над адкрытымі прасторамі ўтварыліся магутныя тэрмікі — узыходзячыя патокі паветра, якія не давалі магчымасці выпасці дажджам, а гналі забруджаныя паветраныя масы далей. Ці не таму стэпавая Украіна на большай сваёй частцы менш забруджана радыёнуклідамі, чым Грузія? Тэрыкі стэпаў і Чорнага мора далі радыёактыўным патокам магчымасць дайсці да Каўказа, дзе яны былі затрыманы лясістымі гарамі.

Лясы не толькі затрымлівалі радыёактыўныя часціцы, якія асядалі і заставаліся на лісці з прычыны заканамернасцей фізічных кантактаў прыцяжэння і счаплення. Яны садзейнічалі ўтварэнню воблакаў і хмар, калі тыя ў сухое лета 1986 года прыходзілі ў Беларусь звонку ў невялікай колькасці. Як вядома, за дзень кожны дуб выпарае 5 літраў вады, бяроза — 6 літраў і г. д. За лета гектар бярозавага гаю выпарае 1500 тон вады, ператвараючы яе ў дажджавыя воблакі і хмары. Праўда, у 1986 годзе гэтая вада вярталася да нас на зямлю больш у выглядзе расы. Але ж і раса канцэнтруе вакол сябе розныя паветраныя прымесі і асаджвае іх. Ці не таму нам так лёгка дыхаецца раннім росным світанкам?

Міжвольная, але самаахвярная роля беларускіх лясоў у барацьбе з радыяцыяй дорага абышлася ім. У 1986—2000 гадах страты лясной гаспадаркі ад радыяцыі склалі 1 мільярд 960 мільёнаў долараў. Па прагнозах на бліжэйшыя 15 год яны складуць яшчэ 4 мільярды 110 мільёнаў долараў. Гэта больш за 17 працэнтаў ад урону, які прагназуецца для ўсёй народнай гаспадаркі, аховы здароўя, сацыяльнай і іншых сфер жыцця разам узятых.

На жаль, да цяперашняга часу гэтыя страты недастаткова ўлічваюцца пры вырашэнні праблем лясной гаспадаркі як у маштабах дзяржавы, так і ў міжнародным аспекце. У прыватнасці, у выніку візіту дэлегацыі МАГАТЭ восенню 2001 года ў Беларусь беларускія спецыялісты прынялі рашэнне паставіць пытанне на чарговай сесіі Генеральнай Асамблеі ААН аб Беларусі як аб адной з найбольш пацярпелых ад Чарнобыльскай катастрофы краін. Не самай пацярпелай, а толькі аб адной з пацярпелых. Але пры такой пастаноўцы пытання разлічваць на адэкватную міжнародную дапамогу ў вырашэнні чарнобыльскіх праблем асабліва не прыходзіцца. Гэту пазіцыю неабходна перагледзець як у цэлым для народнай гаспадаркі, так і для лясной у прыватнасці — у адпаведнасці з роляй лясоў у мінімалізацыі наступстваў катастрофы ў нацыянальным і міжнародным маштабах.

P. S. Ідэя загалоўка са словам «уратавалі» узнікла пасля знаёмства з артыкулам «Пензяк выратаваў Украіну ад лёсу Хірасімы» у адной з пензенскіх газет. У ёй апавядалася аб тым, што ўраджэнец Пензы палкоўнік Алег Чычкоў, які жыве зараз у Мінску, не выканаў памылковага загаду аднаго генерала скінуць 15 тон свінцу на дах трэцяга рэактара ЧАЭС як быццам для тушэння пажару, за які генерал прыняў сполах пражэктараў і электразваркі на амаль што цэлым рэактары. Чычкоў на верталёце з гэтым грузам ужо завіс на вышыні двухсот метраў над дахам працуючага рэактара ва ўмовах дрэннай начной бачнасці. Толькі ў апошняе імгненне нейкім сёмым пачуццём ён прымусіў сябе не націснуць на кнопку «скід». Канешне, Украіна не загінула б ад выбуху яшчэ аднаго рэактара, але падвоеныя маштабы трагедыі былі б катастрафічнымі. Калі слова «уратаваў» заканамернае ў адносінах да аднаго чалавека, то тым болей яно правамоцнае ў адносінах да такога буйнога прыроднага комплексу, якім з'яўляюцца беларускія лясы — «лёгкія Еўропы».

In the article «Belarusian Forests Saved Europe» Eduard Samusenko, gives some facts that the forests have absorbed more than half of 70% radioactive nuclides, that befell Belarus. The minimal third half of all the surge of the fourth reactor was stopped by our forests from further spreading to the west, north and east. Thus, Homel and Mahileu forests saved other Belarusian and Russian areas, Baltic States and Central Europe from more serious pollution.

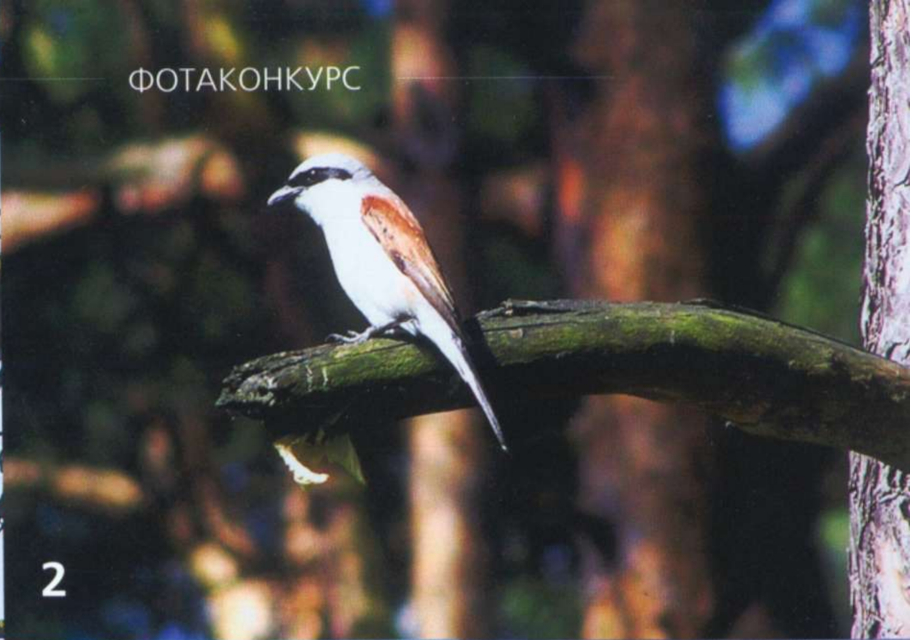

ФОТАКОНКУРС

***Здымкі Міколы ГУЛІНСКАГА* (Гродна)**

1 **Шуляк-карагольчык** *(Accipiter nisus)*
2 **Малы грычун** *(Lanius collurio)*
3 **Звычайны гіль** *(Pyrrhula pyrrhula)*
4 **Звычайны зімародак** *(Alcedo atthis)*
5 **Малы грычун** *(Lanius collurio)*
5 **Вялікая коўра** *(Podiceps cristatus)*

5

ДЖУНГЛИ ЧЕРНОБЫЛЯ

Фото Игоря БЫШНЕВА и Василия ФЕДОСЕНКО

На станцыі кальцавання «Тураў». *Здымкі Васіля* ***ФЯДОСЕНКА*** *(Мінск)*

КЛЮЧ К ВЕСНЕ

Игорь БЫШНЕВ

Василий-капельник с утра закутал мартовский день в плащ мокрого белого тумана. Изрядно потемневший на полях снег, получив передышку от весны, приободрился и, укрывшись тонкой хрустящей коркой-настом, приготовился не отпускать так сразу из своего плена набухшую влагой землю.

Но весна уже здесь, она спешит, ей нет дела до прошлогоднего снега. Она разрывает туман, сбрасывая его остатки в поймы рек. Она втискивает несмелое солнце в разрывы на небе и его чудодейственными лучами шарит по полям, отыскивая жаждущих пробуждения.

Небо – как наша Беларусь. Вся в бесчисленных голубых озерах – просветах среди разбегающихся облаков. Весна не останавливается, пока все эти небесные озера, озерки и лужи не сольются в единую голубую страну – лазурь.

А вот и путешественники по ней. Из первых. Их, право, не узнать. Спокойные, отрешенные от земных хлопот, уверенные. Первая в этом году стайка прилетевших чибисов. Неторопливое мелькание черного и белого. С возвращением вас!

Летят чибисы днем, тогда как другие кулики в основном путешественники ночные. Летят небольшими группами, парами, поодиночке. Летят не только над речными долинами, лугами и полями, но и над городами – на радость соскучившимся в ожидании весны горожанам.

На полях и болотах пары занимают гнездовые участки. Чибисам важен круговой обзор с земли, там, где будет находиться их гнездо. Поэтому гнездятся они охотнее на почти голом месте, чем среди лугового высокотравья. Но самые первые из прилетевших занимают наиболее высокие участки в поймах рек – еще бы, ведь все остальные места пока еще залиты водой. Но не только луга в поймах рек привлекают птиц. Они обычны и на полях возле деревень, на осушенных торфяниках, на верховых болотах. Причем интересно, что на естественных «верховиках» в Березинском заповеднике они начинают гнездиться раньше, чем на полях. Сказывается, видимо, первичность гнездования этих птиц на болотах.

В это время их брачные танцы – воздушные броски вверх, вниз в стороны – вновь привлекают к себе внимание. Мастерство птиц безупречно, полет – внезапен, легок и красив. Только рассекаемый широкими крыльями воздух свидетельствует о материальности танцоров. Токовой полет самца не обязательно проходит над будущим гнездовым участком. Гнездо будет в другом месте, там, где возможно будет образовать колонию нескольким парам. Да, чибисы – птицы колониальные, хотя количество пар на обычной колонии редко превышает десяток. А бывает, и вовсе две-три пары загнездятся на поле.

ИГОРЬ БЫШНЕВ

К концу апреля в гнезде, устроенном на кочке или на небольшом возвышении, – четыре буровато-песочных яйца с крупными темно-бурыми пятнами. Насиживают обе птицы. Правда, самка уделяет этому гораздо больше времени. Теперь над местом гнездования часто раздается жалобное «чьи-вы, чьи-вы...» – потревоженный чибис, отбежав от кладки и взлетев, настойчиво атакует нарушителя спокойствия. Однако помогает это редко. Гибель яиц у чибиса очень велика. Казалось бы, нужно быть сверхосторожным в это время – большинство птиц так и поступают. А чибисы – нет. Именно сейчас они самые крикливые и заметные. Всей колонией спешат чибисы встретить врага. Далеко за пределами гнездовых участков, как можно раньше птицы с жалобными криками окружают ворона или луня, полностью сбивая хищника с истинного пути.

Активной защитой чибисов от пернатых и четвероногих хищников пользуются, как всегда в мире природы, более слабые. Трясогузки, жаворонки, зуйки, травники не преминут воспользоваться соседством с такой яркой и агрессивной птицей. Живут себе спокойно на территории чибисиного городка.

Чибисята, едва обсохнув, покидают гнездо. Обнаружить птенцов чибиса в это время чрезвычайно сложно, настолько хорошо сливается с природным фоном их пестрая окраска. Родители несколько меняют свое поведение в это время, стараясь не пропустить пернатого хищника сверху. Он наиболее опасен для птенцов. При малейшей опасности звучит команда затаиться – и птенцы превращаются в невидимок.

Растут чибисята быстро, и уже на втором месяце жизни они не уступают родителям в мастерстве полета.

Поднявшись на крыло, небольшими стайками по нескольку десятков птицы кочуют по полям, лугам, поймам рек. Отлетают рано, уже к началу августа встречаются очень редко. С тех серых августовских дней до марта притихшие поля пережидают наступающее безвременье. Словно тяжелый замок повешен на дверцу, хранящую буйство жизни. И мы живем в ожидании тех небесных дней, когда прилетевшие чибисы наконец-то откроют ее нам.

This article is about the Lapwing, a bird of the 2006 year in Belarus.

ВІНШУЕМ З 75-ГОДДЗЕМ!

У 2006 годзе споўнілася 75 гадоў вядомаму беларускаму навукоўцу і папулярызатару прыроды і яе аховы, ганароваму сябру арганізацыі «Ахова птушак Бацькаўшчыны» Эдуарду Рыгоравічу Самусенку.

Нарадзіўся Эдуард 29 студзеня 1931 года ў Гомелі. Але на сваёй «малой радзіме» ў складаныя 30-я гады яму пажыць доўга не прывялося. З бацькам-ваеннаслужачым ён пабываў у Горках, Заслаўі, Пухавічах, Глыбокім. З апошняга горада ён з маці і сястрой дзе пешшу, дзе на коннай падводзе, дзе ў таварных вагонах-цяплушках за пару месяцаў пераадолеў шлях да таёжнага гарадка Таншаева на самай поўначы Горкаўскай вобласці.

Такое валацужніцтва, мусіць, і абумовіла ўсё далейшае жыццё – бясконцыя вандроўкі, у час якіх ён пазнаёміўся са значнай часткай былога Савецкага Саюза. Толькі ў гады Айчыннай вайны яму давялося жыць у Саратаўскай вобласці, а потым у Акмолінску (цяперашняя Астана), дзе здабыў улёт сваю першую качку і назаўсёды зачараваўся цудоўным і таямнічым жыццём прыбярэжных жывёльных суполак. У канцы вайны Эдуард жыў у Вязьме, а Перамогу сустрэў у Полацку.

Потым былі Мар'інагорскі сельгастэхнікум і біяфак БДУ з практыкай у Бярэзінскам запаведніку і на Белым моры, а таксама першая студэнцкая экспедыцыя па Нарачанскім краі.

Закончыўшы БДУ, Эдуард працаваў настаўнікам, вучыўся ў аспірантуры НАН РБ, працаваў у філіяле Інстытута жывёльнай сыравіны і пушніны, выкладаў заалогію ў Гомельскім і Мінскім педінстытутах. У 1980–1991 гадах працаваў у Інстытуце заалогіі НАН Беларусі.

За 45 гадоў працоўнай дзейнасці Эдуард Самусенка аб'ехаў усю Беларусь, пабываў у экспедыцыях і на канферэнцыях у Расіі і на Украіне, у Прыбалтыцы і Кыргызстане, Малдове і на Каўказе, у Польшчы і Узбекістане. Вынікам гэтых вандровак з'явіліся звыш ста навуковых прац, сотні публікацый у перыядычным друку, энцыклапедыях і даведачна-манаграфічных выданнях, а таксама шэраг кніг: «Дзівосная птушка» (1966), «Жемчужина Полесья» (1968), «Природа и спорт» (1980), «Комнатные животные» (1983), «Друзья нашего дома» (1992, 2001) і іншыя.

Работы Эдуарда Самусенкі высока адзначаны шырокімі коламі аматараў прыроды, спецыялістамі і асобнымі арганізацыямі. Ён 5 разоў выходзіў пераможцам рэспубліканскіх экалагічных конкурсаў, быў лаўрэатам конкурсу 1996 года па навуковым абгрунтаванні нацыянальнай сімволікі, у 2005 годзе стаў пераможцам рэспубліканскага экалагічнага конкурсу на лепшую публікацыю ў намінацыі «Мой родны кут»...

Эдуард займаўся вывучэннем прыбярэжных біяцэнозаў у шырокім плане, выдзяляючы птушак як адну з галоўных груп гэтых складаных і найбагацейшых экасістэм. Асноўная ўвага ўдзялялася ім відам, якія маюць найбольшы ўплыў на іншых прадстаўнікоў берагоў вадаёмаў, галоўным чынам на буйных птушак – буслападобных, драпежных, воранавых.

У верасні 1990 года па ініцыятыве Эдуарда Самусенкі ў Мінску праводзілася міжнародная канферэнцыя па буслах, дзе яго абралі старшынёй усесаюзнай рабочай групы па буслах, якая пад яго рэдакцыяй выдала два навуковых зборнікі па гэтых птушках – у 1990 і 1992 гадах.

Эдуард унёс вялікі ўклад у папулярызацыю і ахову і іншых відаў птушак. Дзякуючы яго намаганням былі заснаваны заалагічны заказнік «Антонава» у Лагойскім раёне і біялагічны заказнік «Вусце Лані» у Лунінецкім раёне. Апошні потым стаў ядром заказніка «Сярэдняя Прыпяць».

Мы шчыра віншуем Эдуарда Рыгоравіча з юбілеем і жадаем новых творчых поспехаў у справе аховы прыроды Беларусі.

The part Our Jubilant, tells us about the wonderful Belarusian ornithologist, honorary member of APB, Eduard Samusenko, who is 75 years old this year. Eduard worked as a teacher. He taught zoology in Homel and Minsk Teacher's Training Colleges. During 1980-1991 he worked at the Institute of Zoology (Belarusian National Academy of Science).

For 45 years of work Eduard Samusenko has travelled all over the Belarus, he was in expeditions and conferences in Russia, Ukraine, Baltic States, Kyrgyzstan, Moldova, Caucasus, Poland and Uzbekistan. The result of the expeditions, were more than 100 scientific works, hundreds of publications in the periodical press, encyclopedias, informational and monographic publications, and some books. Eduard studied coastal biocenoses in their wide sense with focus on birds as one of the main groups of these ecosystems. The zoological reserve «Antonava» in Lahoisk district and the biological reserve «Vustse Lani» in Luninets district were designated due to his efforts.

ЦІ ЧОРНАЯ ВОЛЬХА?

Эдуард САМУСЕНКА

Навуковая батанічная назва нашай звычайнай вольхі – «чорная». Гэта таму, што драўніна ў яе цёмная, яна мяняе свой колер пасля высечкі. У пэўнай ступені гэтае «чорнае» імя звязана з колерам яе саспелых шышачак і цёмным змрочным ладам жыцця ў балоцістых мясцінах, непрыемных для людзей, што звыклі ацэньваць светлыя, сухія і зручныя для прагулянак залацістыя бары, беластволыя беразнякі ці вясёлыя зялёныя дубровы.

Лісты вольхі здзіўляюць сваёю афарбоўкаю. Але не багаццем восеньскіх фарбаў, а зусім наадварот. Вольха належыць да ліку тых нямногіх дрэў, у якіх кроны ў асенні час ніколі не расквечваюцца, застаюцца зялёнымі. Яна ніколі не прымае ўдзелу ў свяце восені. А лісце такім жа зялёным і падае на зямлю. Але, між іншым, лісце вольхі, у адрозненне ад іншых дрэў, багатае азотам. І на глебу яно ўплывае найлепшым чынам.

Сонечныя промні, якім удаецца пранікнуць у альховы лес, утвараюць тут мудрагелістую гульню святла і цяняў. Неасцярожнага вандроўніка між зараснікамі чаромхі і купінамі чакае багна з глыбокімі ямамі. Вывернутыя з каранямі яліны і зараснікі хмызоў, перавітыя хмелем, стройныя чорныя ствалы альшыны, што імкнуцца ўвышыню, – усё гэта ў сваім маўчанні нагадвае казачны зачараваны лес. Такі лес часта наведваюць ласі і казулі. Такі лес невыпадкова трапіў у апісанне беларускіх помнікаў прыроды нават на фоне славутага Бярэзінскага запаведніка. Менавіта гэтыя вольхавыя твані ў пойме Бярэзіны і берагоў возера Палік з'явіліся апошнім сховам буйных партызанскіх злучэнняў у час самай жорсткай нямецкай блакады ў 1944 годзе – літаральна ў апошнія дні перад канчатковым вызваленнем рэспублікі ад ворага.

ІГАР БЫШНЕЎ

Чарнавольхавыя лясы любяць «сяліцца» ў поймах рэк. Мне прыйшлося многа плаваць па рэках Беларусі для ўліку селішчаў баброў. Турысты-байдарачнікі ведаюць, што проста на залітых вадой берагах рэк, дзе нельга прыстаць лодцы, каб разбіць палатку, заўсёды трапляюцца ўчасткі з дзівосна роўнымі і высокімі альховымі стваламі-калонамі. Яны ўздымаюць свае невялікія кроны на вышыню 30–40 метраў. Пакрытыя лішайнікамі ствалы здаюцца лілова-шэрымі, святочнымі і сваёй геаметрычнай дакладнасцю нагадваюць каланады антычных храмаў. Такія альховыя лясы сустракаюцца на Нёмане і Прыпяці, Ясельдзе і Шчары, Лані і Морачы, Случы і Віліі, Заходняй і Усходняй Бярэзіне, на Агінскім, Сергучоўскім і Дняпроўска-Бугскім каналах. Здзіўляе не толькі вышыня і стройнасць ствалоў, але і іх здаровы выгляд. Іх не чапаюць ні грыбок, ні звяры, у той час як асіны, вербы, бярозы і нават дубы ў такіх мясцінах заўсёды аб'едзены ласямі, а бабры валяць іх цэлымі дзялянкамі. Рэдкія ў альшаніку яліны і сосны падобныя да абшарпаных старцаў.

Вясною чарнавольхавы лес – самы цяжкапраходны для чалавека. Уся прастора між дрэвамі-купінамі заліта вадою. На самой справе вольха расце на купіне. І не адна, а, як правіла, цэлаю сям'ёю-курцінай. Такая ўжо асаблівасць размнажэння гэтага дрэва

– ад аднаго дарослага ствала адыходзяць маладыя ствалы-пасынкі. А каб на вольху не так моцна ўплывала змена ўзроўню вады вясною, дрэвы часта растуць у поймах рэк, займаючы купіны.

У мудрагелістай аснове дрэваў, дзе пераплялося мноства каранёў і ствалоў, любяць пасяляцца звяры і птушкі. Часта ўладкоўваецца тут на зіму вожык – зручна. Але калі прыходзіць вясна, здзіўленню вожыка няма межаў: усюды вада. І выбрацца з такога лесу можна толькі ўплаў.

У вольхавых лясах можна сустрэць самую чароўную з нашых сініц – даўгахвостую. Яе другая назва – апалоўнік. Гэта проста ўвасобленая чароўнасць – белы пушысты шар з доўгім ступеньчатым хвастом. «Чэррчэрр...» – звонка пераклікаючыся і быццам здзіўляючыся нечаму, пералятаюць сініцы з дрэва на дрэва. Гняздо апалоўніка – дзівоснае, незвычайнае. Гэта вялікі прасторны шар – птушкі памайстэрску аплятаюць яго мохам і лішайнікамі, а звонку «інкрустуюць» кавалачкамі кары і павуціннем. Знайсці такое гняздо на фоне заімшэлага ствала вельмі няпроста.

У чарнавольхавых лясах можна сустрэць яшчэ адну птушку – вельмі рэдкую і асцярожную – чорнага бусла. Ужо з сярэдзіны красавіка буслы пасля вяртання з зімовак трымаюцца ля гнёздаў. Чарнавольхавыя лясы – любімыя месцы жыцця самага маленькага з нашых драздоў – белабровага. Уся справа ў тым, што свае гнёзды гэты від драздоў пераважна будуе невысока, часам нават на зямлі. Мы ўжо гаварылі пра якасці вольхі, у прыватнасці, пра складаныя групы-сем'і, якія вольха ўтварае на асобных купінах. Вельмі зручна для дразда. Маладых ялінак многа – таксама някепска. З гулкім трэскам налятаюць птушкі на любога, хто да іх набліжаецца.

Даўгахвостая кугакаўка – адна з самых рэдкіх і таямнічых нашых соў. Для яе патрэбен спелы высакаствольны лес. Добра, калі абраны для жыцця ўчастак суседнічае з балотам ці поймаю лясной ракі. А яшчэ лепей, калі ён знаходзіцца на адным з цяжкадаступных лясных астравоў сярод мохавага балота. Па такіх характарыстыках для гэтых соў як нельга лепей падыходзяць забалочаныя чарнавольхавыя лясы.

Шэраг іншых відаў вольхі таксама маюць «каляровыя» назвы – шэрая, сіваватая вольха, зялёная, чырвоная. Але, вядома, ніводная з іх не мае абсалютна аднатоннага шэрага ці зялёнага колеру. Усе яны шматкаляровыя, прычым афарбоўка змяняецца ў сувязі з порамі году і ў залежнасці ад узросту дрэва. Нагадаем, што наша вольха расце да 100, а ў асобных выпадках і да 300 гадоў. За гэты час яе ствол не толькі чарнее, але і пакрываецца разнастайнымі лішайнікамі, грыбамі і водарасцямі, так што вольха становіцца часам літаральна «вясёлкавай».

Шматгранная і цікавая роля вольхі ў экасістэме лесу. Гэта адзін з першапраходцаў лесу на дастаткова ўвільготненых глебах, асабліва ў поймах рэк. Раскрыццё яе насенных шышачак і рассейванне кожным дрэвам соценъ тысяч зярнят-арэшкаў супадае з веснавым разлівам рэк. Паводка падхоплівае непатапляльнае насенне і разносіць яго па берагах рэк Беларусі і іншых еўрапейскіх рэк – аж да Заўралля, рэк Об і Енісей.

Вольха – адна з абаронцаў іншых лясных парод ад шкоднікаў і хвароб. Яна выдзяляе фітанцыды, іншыя рэчывы, а магчыма, і біяэнергетыку, якія знішчальна ўздзейнічаюць на насякомых і вірусы. Прырода быццам ведае пра гэтую ахоўную якасць вольхі. Ці не таму менавіта яна акружае на ўзлесках лясныя масівы, якія самаўзнаўляюцца? А можа, пра лекавыя якасці вольхі ведаюць і лясныя жывёліны – ласі, казулі, бабры. Інакш навошта бабрам пакідаць нечапанымі нават маладыя парасткі, а харчавацца старымі дрэвамі асін, вербаў, бяроз і нават дубоў і сосен, прычым цягаючы іх за дзесяткі метраў з глыбіні прыбярэжнага лесу? Можа, гэта звязана з гаркаватым смакам яе кары, ліпкім лісцем? Але ж горыч не замінае пчолам энергічна збіраць ранняй вясной альховы пылок. А яе пладамі ахвотна ласуюцца чыжы, чачоткі і іншыя птушкі.

Хоць вольха не самая папулярная парода ў нашых азеляняльнікаў, усё ж яна ўпрыгожвае многія населеныя пункты і паркі Беларусі. У прыватнасці, вольха годна ўпісалася ў Нясвіжскі палацава-паркавы комплекс на месцы былога іпадрома, на высечаных у вайну пасадках ельніку і на іншых вільготных участках.

Лесаводы нездарма часам гавораць пра вольху: «амаль хамелеон». Вядома, у самым лепшым сэнсе, маючы на ўвазе, што змена колеру і біялагічных функцый прыводзіць да станоўчых вынікаў як для самога дрэва, так і ў канчатковым выніку – для прыроды ў цэлым.

In the article «Is the Alder Tree Black?» Eduard Samusenko shares his impressions about the flora and fauna of the most mysterious forest ecosystem – Black alder forest.

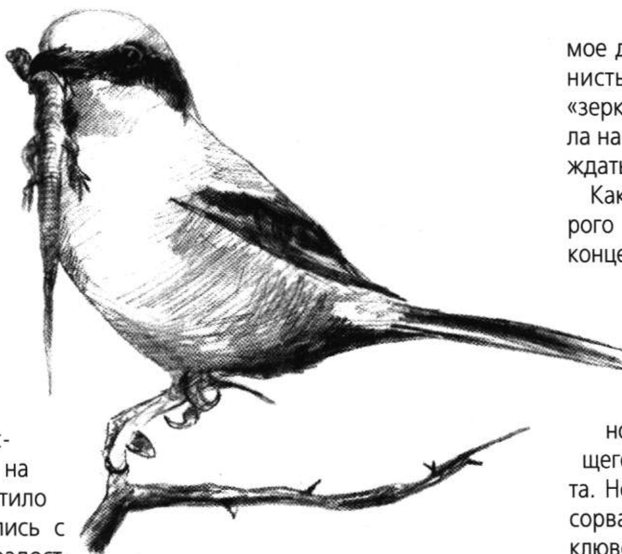
ІГАР БЫШНЕЎ

ПРО ФЛЕГМАТИКА, РАЗБОЙНИКА И ПЕРНАТУЮ МОЛНИЮ

Владимир ИВАНОВСКИЙ

РАЗБОЙНИК В МАСКЕ

Определение «певчие птицы» вызовет у читателей, по всей видимости, приятную ассоциацию с безобидными певунами, услаждающими наш слух майским утром. И в принципе они правы. Но не бывает правил без исключений. Познакомимся с одним из этих исключений — серым сорокопутом.

Как-то морозным февральским утром я неторопливо шел на лыжах вдоль опушки леса. Светило солнце, звездочки инея сыпались с задетых веток за ворот куртки, радостно поскрипывал снег под лыжами. Мне на щеку плавно опустилось маленькое зеленовато-серое перышко. Я поднял глаза в то место, откуда оно прилетело, и увидел удивительную картину. Метрах в пяти у меня над головой сидела небольшая серая птица величиной с дрозда. Оригинальный вид птице придавала черная полоса, идущая через глаза, как будто она надела черную маску. Карнавальный разбойник, да и только. Но оказалось — вовсе даже не карнавальный, ибо серый сорокопут, а это был именно он, отщипывал клювом кусочки мяса от тушки синицы, посаженной буквально на кол — на небольшой острый сучок. Самое поразительное, что сам сорокопут был ненамного больше синицы, а ведь, поди ты, смог поймать и убить эту проворную непоседу.

Серый сорокопут относится к отряду воробьинообразных, то есть певчих птиц. Свое имя он получил от слов «сорок» и «путать». Эта птица не имеет своей песни, а заимствует ее фрагменты у других «сорока» птиц, и составляет — «путает» их в причудливые рулады. Имя этой птице дали любители держать певчих птиц. Еще с десяток лет назад на Полоцком рынке в Витебске можно было изредка увидеть у птицеловов серых сорокопутов, попавших в западок на манную птицу.

Но вернемся к нашему конкретному разбойнику. Когда я подошел под самое дерево, птица вспорхнула и волнистым полетом, мелькая белыми «зеркальцами» на крыльях, перелетела на торчащий из сугроба кол и стала ждать, когда я уйду.

ВЛАДИМИР ИВАНОВСКИЙ

Как сейчас помню, первое гнездо серого сорокопута мне удалось найти в конце мая на крупном моховом болоте в Шумилинском районе. Я обратил внимание на светлое пятно, «устроившееся» на макушке сухой высокой сосны у берега болотного озерка. Поднимаю бинокль и вижу в поле зрения сидящего, как изваяние, серого сорокопута. Но вдруг «изваяние» стремительно сорвалось с ветки и ловко схватило клювом подлетевшую близко стрекозу. Сорокопут уселся с добычей на ту же сосну — очевидно, свой излюбленный наблюдательный пост, прижал тонкой лапкой стрекозу к ветке и ловко откусил ей крылья. И они, медленно вращаясь и пуская солнечных зайчиков, упали на зеленую подушку мха. Сорокопут по волнообразной траектории рванул в ближайшую рощицу низкорослых болотных сосенок, и я тут же услышал оттуда нетерпеливые крики голодных птенцов. Поспешив на крик, я увидел на сосенке в двух метрах от земли небольшое, как у дрозда, гнездо, построенное из тонких сухих сосновых веточек со вплетенными в стенки перышками различных птиц. Заглянув в гнездо, я был поражен: как в таком маленьком овале поместилось целых семь птенцов? Они были еще не совсем оперены, но уже «маскированы», как взрослые, черной полосой через глаз. А родители прямо выходили из себя. Они сидели на макушках сухих сосенок, беспрестанно чекали — «чек-чек-чек» — и подергивали длинными узкими хвостами, смешно свернув их на сторону. Под гнездом я нашел остатки добычи — надкрылья крупных жуков-плавунцов, кончик хвоста ящерицы, клочки шкурки мыши... Вот тебе и певчая птичка.

И еще долго по пути от гнезда меня сопровождало сердитое чеканье этих стройных серых «разбойников в маске».

ЧЕМПИОН СРЕДИ ФЛЕГМАТИКОВ

Наверняка многие встречали в сосновых борах или по краям моховых болот разоренные жилища ос или шмелей. Чаще всего картина разбоя представляет собой вырытую ямку на песчаном косогоре или в моховой кочке на болоте. Валяются остатки пластинок осиных сот, и еле-еле шевелятся сами осы с раздавленным желто-полосатым брюшком. Иногда здесь можно увидеть и своеобразную визитную карточку разбойника — потерянное линное перышко с поперечными полосками. Осоед — хищная птица средних размеров, имеющая в размахе крыльев около полутора метров. Хотя осоед и имеет типично «хищный» облик: круто загнутый клюв и когти, но совершенно замечателен тем, что питается в основном личинками и куколками общественных жалящих перепончатокрылых насекомых. Кстати, взрослых ос и шмелей он не ест, но, если они очень досаждают при раскопках, обездвиживает их, раздавливая клювом.

Наиболее заметны осоеды в первых числах мая, когда они парами совершают брачные полеты. Каждую весну я наблюдаю игры знакомой пары осоедов на берегу крупного мохового болота у деревни Гульбище в Шумилинском районе. Птицы плавно закладывают в синеве неба пересекающиеся спирали. Они мелькают в поле зрения бинокля, как в калейдоскопе, блеснув то темно-коричневым, то соломенно-желтым брюхом. Окраска нижней части тела у осоедов сильно варьируется: в семье моих знакомых осоедов самец был «брюнетом», а самка — «блондинкой».

Осоед начинает гнездиться позже всех наших пернатых хищников, что связано со сроками развития личинок основного корма осоеда — общественных ос. Когда в гнездах у многих пернатых хищников уже оперяются птенцы, осоед только откладывает яйца, а случается это в первой десятидневке июня. Все у этой птицы самое-самое: самые поздние сроки вылета птенцов из гнезд — с середины августа, самые темные среди хищников яйца — скорлупа почти полностью покрыта каштаново-коричневыми пятнами разной величины, и, наконец, это самый большой флегматик среди хищных птиц. Однажды я попытался выяснить, сколь долго может просидеть самец осоеда абсолютно неподвижно на ветке у гнезда. Засек время и стал ждать, когда же сидящая, как изваяние, птица хотя бы шевельнется. Через час и сорок минут она продолжала сидеть, а я не выдержал и покинул свое убежище. Такое, казалось бы, странное «оцепенение» имеет адаптивную причину и помогает осоеду, сидя совершенно неподвижно, наблюдать за полетом ос и находить их жилища в самых укромных уголках. Когда осиный замок найден, начинается настоящая работа. Если осы неосторожно построили свой замок-шар на ветках среди зарослей, то осоед его просто срывает, а если жилище спрятано под землей или в моховой кочке, то начинаются раскопки. Помню, однажды, собирая малину, я случайно задел рукой незамеченный осиный дом-шар. Пришлось спасаться в озере, а потом несколько дней ходить с опухшей физиономией. Меня всегда удивляло, как разгневанные осы — бич всего живого, не могут отогнать от своего жилища осоеда. Но случай не замедлил представиться: в солнечный день в сосновом бору я набрел на осоеда, раскапывающего жилище ос, и наблюдал за ним в бинокль более часа. Осоед неторопливо трудился, равномерно выбрасывая лапами песок. Осы атаковали его со всех сторон, но он только периодически встряхивал головой и продолжал работу. Потрясающий флегматик!.. Если в лесу, высоко на дереве вам встретится гнездо, а под ним вы увидите остатки осиных сот, знайте, что вам посчастливилось найти гнездо осоеда — чемпиона среди флегматиков.

ВЛАДИМИР ИВАНОВСКИЙ

ГАГАРЫ ВСЕ ЕЩЕ СТОНУТ

Гагары — одна из самых древних групп среди птиц. Еще не появился Homo sapiens, а гагары уже бороздили воды древних озер, ныряя за доисторическими рыбешками. В Беларуси это одна из самых редких птиц, включенная в Красную книгу.

В памяти еще свежо воспоминание о первой встрече с этой птицей. Начало мая, поздний вечер, за зеленой горизонтальной чертой болота медленно умирает солнце. Быстро поставив палатку, хлопочу у костерка и жду, когда закипит чай. С любого края небольшого островка, на котором я остановился, открывается вид на бескрайнее моховое болото. В двухстах метрах от островка — крупное болотное озеро, таинственно поблескивающее маслянисто-стеклянной гладью. Ни ветерка, стемнело, пламя костра вертикально вверх выбрасывало искры. Вдруг со стороны озера донеслись незнакомые громкие звуки: то ли лай и вой собаки, то ли карканье неведомой птицы. Затем все стихло. Я терялся в догадках и долго не мог заснуть под мелодичную трель козодоя. А разгадка наступила утром, когда я пошел к озеру умыться. Над водой стояла пелена тумана, которую разгоняли первые солнечные лучи. В центре озера плавала крупная птица величиной с небольшого гуся, с острым шиловидным клювом. В бинокль была хорошо видна пепельно-серая голова и шея, на горле — заметно вытянутое темное пятно. Верх тела имел блестяще-черную окраску с рядами белых пятен. Вне всякого сомнения, это была чернозобая гагара, чей голос встревожил меня в ночи. Птица кормилась, периодически ныряя... Я стал засекать по часам, сколько она находилась под водой. Результаты получились впечатляющие: от 40 до 130 секунд. Медленно бредя у самого края воды, я смотрел в бинокль на противо-

положный берег, пытаясь увидеть вторую птицу, и буквально чуть не наступил на гнездо, от которого спешно отплывала гагара. Птица встрепенулась и, после длинного разбега метров в двадцать, взлетела, блеснув на солнце белым брюхом и хрипло прокричав, постепенно убыстряя звуки: «Та... га... га... гаррраaa». Характерно, что с земли гагара вообще не может взлететь. Гнездо располагалось у самой воды и представляло собой аккуратную кучку изо мха, корневищ осоки и водорослей. В небольшом лотке находилось два крупных зеленовато-коричневых яйца с неясными темными пятнами по блестящей скорлупе. Гнездование на самом берегу — самое тонкое место гнездовой экологии гагары. Многие десятки гнезд этой птицы были разорены рыбаками. Птенцов выводили только те пары, которые гнездились на озерах, где были небольшие островки. Но этим древним птицам может помочь и человек. В Скандинавии и Прибалтике энтузиасты охраны этих птиц уже несколько лет строят искусственные островки-плотики, покрывая их моховой дерниной. Попробуйте и вы провести такой опыт — постройте островок на болотном озере. И, может быть, вам повезет, и однажды вы услышите с озера волнующее «га... га... гарррааа».

ИГОРЬ БЫШНЕВ

ПЕРНАТАЯ МОЛНИЯ

Сокол-сапсан — одна из самых знаменитых и известнейших хищных птиц мира. В Средние века, в период расцвета соколиной охоты, во славу этой птицы слагались сонеты и баллады, художники рисовали наиболее выдающихся соколов на королевских перчатках. Сапсан был одним из наиболее ценных подарков у дипломатов; за хорошую ловчую птицу можно было выкупить несколько пленных.

Сапсан — одна из самых широко распространенных в мире птиц. Его можно встретить практически повсеместно, за исключением равнинной части Южной Америки, Центральной Австралии и Антарктиды. В гнездовой ареал сапсана до недавнего времени входила и вся Беларусь. Последнее гнездо этой птицы было найдено на Витебщине аж в далеком 1973 году. Неумеренное применение в сельском хозяйстве многих стран мира ДДТ и других химических препаратов на его основе привело к тому, что на рубеже 60—70-х годов прошлого столетия этот непревзойденный пернатый охотник практически исчез из гнездовой фауны многих стран Европы. Замыкая цепи питания, этот хищник накапливал в своих органах и тканях смертельные дозы отравы.

В настоящее время, чтобы увидеть сапсана в природе, нужно снаряжать специальную экспедицию в сентябре-октябре на одно из крупнейших моховых болот Витебщины, например, Ельню или Оболь. Здесь в период осенней миграции эти соколы из более северных регионов Европы задерживаются на некоторое время. В эту пору на моховом болоте настоящее «птичье эльдорадо»: на многочисленных болотных озерках и мочажинах стоит сплошной гомон пролетных гусей, уток, повсюду снуют стайки куликов, величественно, с фанфарными звуками, плавно идет на посадку клин журавлей...

Сижу в специальной засидке на берегу болотного озерка и наблюдаю в бинокль за пролетными птицами. Вот низко пролетавшая стайка чирков-свистунков вдруг резко камнем упала в воду и затаилась у островков, поросших багульником. Раздался свист рассекаемого воздуха, мелькнула тень над водой, и на ветку невысокой сухой сосны напротив меня опустилась хищная птица величиной с ворону. В бинокль хорошо видны идеальные аэродинамические формы ее тела. Верх птицы серо-голубоватого цвета, голова почти черная, горло и шея беловатые, от темно-коричневых глаз вниз идут темные сужающиеся полосы, очень напоминающие усы. Низ у хищника беловатый с поперечными черносизыми полосками. Сокол взъерошил перья, встряхнулся и стал чистить их клювом.

Вдруг на эту же ветку стремительно сел еще один сокол и стал пронзительно отрывисто кричать: «Кьяк-кьяк-ки-ки!..» Это была молодая птица из еще неразбившегося кочующего к югу выводка. Я неосторожно пошевелился в засидке — соколы один за другим стремительно взлетели с ветки и, легко взмахивая крыльями, скрылись из виду. Очевидно, семейка подалась на охоту. А охота этого хищника оставляет неизгладимое впечатление, ведь при атаке на жертву птица порой развивает скорость до 270 км в час. Его охоту осенью изредка удается наблюдать витебским голубеводам. Сапсан поднимается по спирали значительно выше стаи голубей, затем хищник исчезает из поля зрения, слышится свист рассекаемого воздуха, раздается глухой шлепок, и голубь, оставив в воздухе облачко перьев, замертво валится вниз. Сокол делает пируэт и подхватывает добычу. Незабываемый спектакль!

На Витебщине сапсаны гнездились на крупных моховых болотах, на островках среди болотных озерков или на крупных моховых кочках под прикрытием низких сосенок среди сильно обводненных мочажин. В гнезде, простой ямке, вытоптанной птицами, в конце апреля — в мае можно было увидеть два—четыре испещренных красно-коричневыми пятнами яйца, а в конце мая — пуховых птенцов. Но это было давно. И вот уже более двадцати лет никому не удавалось найти гнездо сапсана. Но я как орнитолог не теряю надежды, что великолепный сапсан вернется на наши болота.

In the part «Notes of the Naturalist», we present the sketches of Dr. Vladimir Ivanovsky about his meetings with birds breeding in Belarusian Paazerije (Lakeland): the Peregrine, the Honey Buzzard, the Black-throated Diver, the Great Grey Shrike.

«Жаваранак» з «Чыжыкам» — родныя браты...

«Чыжыку беларускаму» – паэту Гальяшу Леўчыку (Іллі Міхайлавічу Ляўковічу) – у мінулым годзе споўнілася 125 гадоў з дня нараджэння.

«Чыжык беларускі» – адзіны прыжыццёвы зборнік творцы, выдадзены ім у 1912 годзе з дапамогай Янкі Купалы ў Беларускім выдавецкім таварыстве. Акрамя названага, Гальяш Леўчык падрыхтаваў да друку, але не здолеў выдаць, яшчэ адзін зборнік вершаў пад назвай «Жаваранак беларускі». Загінуў паэт у зруйнаванай, акупіраванай немцамі Варшаве ў 1941 годзе, дзе быў расстраляны (па іншых звестках, памёр ад голаду ў 1944 годзе)...

Святлана Пракоф'ева

ДАРМА НАМ ТАК ЧЫЖЫК СПЯВАЕ...

Дарма нам так
чыжык спявае
З галінкі плакучай бярозы...
Ці бачыць ён, бедны, ці знае,
Як льюцца ў нас горкія слёзы?..

Дарма так шчабеча-спявае –
Пацешыць нас песнямі хоча...
Дарма – бо усякі з нас мае
Заўсёды заплаканы вочы...

ЧЫЖЫК

– Чыжык, чыжык, дзе ты быў?
– Я на Белай Русі жыў:
Бачыў слёзы, жалю крык,
Як гаруе там мужык...

– Чыжык, чыжык, дзе ты быў,
Што ты чуў там, што рабіў?
– Сярод вёсак я лятаў,
Песні сумныя збіраў...

– Чыжык, чыжык, дзе ты быў?
Што ты бачыў, што ты сніў?
– Ох, шмат гора ёсць там, шмат,
Выглядае беднасць з хат...

– Чыжык, чыжык, дзе ты быў?
– Па магілках я блудзіў,
Па курганах, ля дарог,
З жалю вытрымаць не мог!..

ФОТАКОНКУРС

ВАСІЛЬ ФЯДОСЕНКА

Птушка года ў мастацкай літаратуры

Кніга пра кнігаўку і не толькі

Цудоўная птушка гэтая кнігаўка! Мала знойдзеш іншых, пра каго б было складзена і столькі песень («У дороги чибис...»), і столькі вершаў. Хіба толькі з ластаўкай, з жураўлём ды з буслом яе ў гэтым сэнсе можна параўнаць.

Але ў народзе кнігаўку найчасцей клічуць каняй, прынамсі, як і ў мастацкай літаратуры. Напрыклад:

Блукаю ў позніх лугах.
Туманяцца пойма і шлях.
І зорка над лесам мігціць
*Ды **каня** ўслед пракрычыць*
На той, за Дняпром старане,
Аклікне мяне...
(Міхась Башлакоў)

Вобраз кнігаўкі-кані – адзін з улюбёных у беларускай паэзіі. Ён сустракаецца як у лірыцы нашых класікаў (А.Куляшоў, Н.Гілевіч і інш.), так і ў вершах сучасных творцаў. І вось яшчэ адзін доказ таму: якраз напярэдадні новага года, года кнігаўкі, у адным з галоўных беларускіх выдавецтваў – у «Мастацкай літаратуры» – выйшаў зборнік паэткі Валянціны Кукса пад назвай «Кнігаўка». І няхай да жыцця птушак ён мае нязначнае дачыненне – усё роўна прыемна. А аматары птушак і беларускага прыгожага пісьменства атрымалі два падарункі адразу. Два ў адным...

Святлана Пракоф'ева

ЛУЧИК СВЕТА

Евгений Мокрецов

(18 июля 1989 года – 19 марта 2006 года)

Ученик 10-го «А» класса
СШ № 148 г. Минска.
Член АПБ с 2005 года. Теннисист,
любитель природы, птиц, рыб.

Евгений погиб при невыясненных обстоятельствах.

Серию снимков синиц он сделал на кормушках, которыми увешаны его окна, незадолго до трагедии...

ПТУШКА ГОДА

Крысціна Бабіч, 11 гадоў (в.Шашкова)

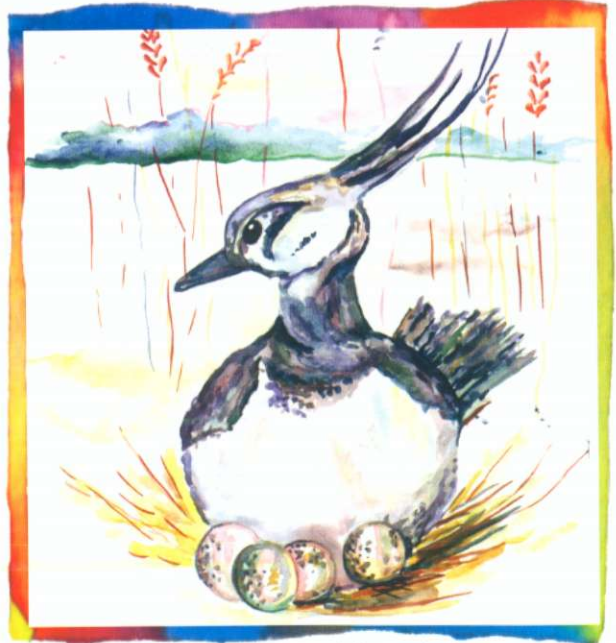

Анастасія Сідарэнка, 12 гадоў (Жодзіна)

Вераніка Смаль, 12 гадоў (Слуцк)

Віка Стонька, 6 гадоў (в.Шашкі, Стаўбцоўскі р-н)

Вольга Галіноўская, 11 гадоў (Жодзіна)

Фото: ЕВГЕНИЙ МОКРЕЦОВ

Аляксандра Мышко, 16 гадоў (Жодзіна)

ПТУШКА ГОДА

Кнігаўка (*Vanellus vanellus*)